

Глава 25. Нам бы только бамбук купить? Мы и сами умеем!

Вечером того же дня Лу Фэн отправился на каменоломню. Он застал мастеров как раз в тот момент, когда те вернулись с поисков бамбука. Каменщики хмуро разглядывали свои корзины, и в воздухе снова запахло ссорой — каждый был недоволен уловом.

Заметив назревающий спор, Лу Фэн поспешил вмешаться и пересказал новости, принесённые Цуй Яном.

Артель мигом сменила гнев на милость, но радость мешалась с тревогой. С одной стороны, объёмы поставок росли, а значит, и заработок обещал быть добрым — это могло бы сгладить старые обиды. С другой — где им взять разом тысячу-другую цзиней бамбука? Своими силами не справиться.

Тогда Лу Фэн изложил свой план: отправиться вглубь гор с товаром для обмена.

— Это дело верное! — тут же отозвался кто-то из мастеров. — Сам я много не накопаю, а вот пройтись по округе да собрать у людей — это запросто. В десяти верстах меня каждая собака знает.

— И я так же, — подхватил другой. — Вчера видел старика Чжэня из соседней деревни: сидит над корзиной побегов, сокрушается. «Эх, — говорит, — будь этот бамбук золотом, хоть бы на еду сменял».

Но нашлись и сомневающиеся:

— Чтобы в горы идти, товар нужен. Где его взять? И на что покупать?

— В мошне у нас не густо, — нерешительно добавил третий. — Хватит ли на закупку?

Лу Фэн предложил начать с солёно-сушеной рыбы — сяна:

— Мы пока не знаем, что ещё может понадобиться горцам. Но сян им сейчас точно нужен.

— Верно, верно, — закивали каменщики. — Скоро Новый год, Богов почитать надо, угощение готовить.

Лу Фэн назвал количество:

— Первую партию возьмём у господина Цуя. Он отдаст нам товар по оптовой цене и разрешит торговать под вывеской лавки Чжэньпиньцзай.

Имя знаменитой лавки подействовало магически. С такой «золотой» вывеской и цену можно выручить повыше. Каменщики приободрились, но тут прозвучал главный вопрос:

— А как быть с деньгами за первую закупку?

— Я сам всё оплачу, — ответил Лу Фэн.

В кругу мастеров воцарилась тишина. Если платит Лу Фэн, то как потом делить прибыль? Отдать всё им — он в накладе. Забрать всё себе — они даром спины гнули.

Тогда подал голос дядя Цю:

— Сделаем так. Парень Лу выставит общую цену за товар и расходы. Каждый из вас внесёт свою долю, сколько сможет, и прибыль с этой части заберёт себе. Весь собранный бамбук будем записывать по весу. Как только Чжэньпиньцзай расплатится — разделим деньги по справедливости.

— А те, кто не хочет вкладываться, могут копать сами, — добавил Лу Фэн. — Их бамбук тоже запишем и выплатим долю после расчёта с лавкой.

— А если я позову кого на подмогу? — спросил один из каменщиков.

— Можно, — кивнул Лу Фэн. — Хоть всю деревню зови. Но только уговор: весь их бамбук пойдёт под твоим именем, и расплачиваться с ними будешь ты сам. К делам артели это отношения не имеет.

На том и порешили. Мастера, полные задора, разошлись готовиться.

На следующий день они, нагрузив коромысла сушеной рыбой, двинулись в горы. В лютую стужу редкий разносчик рискнёт забраться в такую глушь, так что едва заслышав знакомый дробный стук барабанчика «динь-до», горцы гурьбой посыпались из домов.

— Свежий сян! Товар из самой лавки Чжэньпиньцзай! — Лу Фэн и Хуан Мин опустили ноши на утопанную площадку в центре деревни. — Есть и сушеная илиша, и пьяный горбыль, и желтохвост. Всё свежего посола!

Жители гор хоть и редко выбирались в город, в товаре толк знали. Едва взглянув на рыбу, они поняли — вещь стоящая, и принялись наперебой спрашивать цену.

Хуан Мин зычно объявлял:

— Сушеная илиша — восемнадцать вэней за штуку, пьяный горбыль — тринадцать. Желтохвост попроще — пятьдесят, отборный — сотня!

Горцы замялись, пересчитывая медяки. Выходило дороже, чем в городе. Лу Фэн заметил это и сразу предложил выход:

— Дорога в горы — не ближний свет, восемнадцать поворотов одолели, так что копеечку накинуть справедливо. Но если денег в обрез — примем лесной товар в обмен.

Крестьяне оживились:

— Любой товар сгодится?

— Только зимние побеги бамбука, — уточнил Лу Фэн. — Свежевыкопанные, не лежалые. Чтобы крепкие были и с хвостиками.

Это было проще простого. Зимой работы в поле нет, заняться нечем, только и радости, что в лес за бамбуком сходить. Услышав об обмене, мужики бросились по домам.

Кто-то кричал в сторону леса:

— Разносчики пришли! Бамбук на рыбу меняют! Копайте больше!

Вскоре потянулась вереница людей с корзинами. Горцы — народ простой, без хитростей, как им Лу Фэн наказал, так они и выбирали: один к одному, загляденье. Даже весы проверять не стали, доверив Лу Фэну самому мерить вес.

Принимая товар, Лу Фэн завязывал разговор:

— Нам бамбук часто будет нужен, скоро снова придём. Чего вам из города принести? Что в хозяйстве на исходе?

Крестьяне обрадовались ещё больше и загалдели наперебой:

— Горшочки нужны малые, под соль!

— Чашек да плошек принеси, старые все побились, стыдно перед Богами в праздник!

— Свечей, курений благовонных, да бумаги золотой — духам подношения делать!

— Бумаги красной, на конверты для «счастливых денег»!

Маленькая дечурка, вцепившись в руку отца, пролепетала:

— Тятя, я сладенького хочу...

Отец подхватил её на руки и улыбнулся Лу Фэну:

— Слушай, парень, если не в тягость, принеси полцзиня тянутой белой карамели.

Лу Фэн пообещал. Тут же и другие дети загалдели, а взрослые закивали: «И нам, и нам принеси!»

Лу Фэн достал бумагу и кисть:

— Говорите по одному, я всё запишу.

Горцы смеялись, видя, как Хуан Мин крутится у весов, не успевая и бамбук принимать, и рыбу выдавать. Кто-то даже вызвался помочь — вешали честно, не плутуя, а порой и в ущерб себе лишний грамм накидывали.

Не прошло и часа, как две корзины рыбы разошлись, сменившись сотней цзиней отборного бамбука.

Когда двинулись обратно, кто-то из деревенских, видя, как тяжело парням, даже вызвался помочь и пронёс ношу добрую версту.

Лу Фэн и Хуан Мин сияли от успеха. Вернувшись на каменоломню, они увидели, что и у других мастеров улов не хуже. За день артель собрала почти две тысячи цзиней. Все были в восторге. Дядя Цю мерил вес, а Лу Фэн заносил цифры в книгу.

Но Лу Фэн не спешил праздновать. Он прикидывал: сегодня все мастера вышли на закупку, оттого и результат такой. Но завтра десятерым придётся тащить бамбук в город — это полдня пути. Значит, рабочих рук станет меньше, и сборов поубавится. А чем ближе к Новому году, тем больше людей понадобится для доставки.

Он поделился своими опасениями. Тогда один из каменщиков по фамилии Цю — молодой парень из той же деревни, что и дядя Цю — предложил:

— Есть у меня одна задумка. У меня в округе целая ватага друзей, ровесники мои, и в лесу они как дома — лучшие добытчики бамбука.

Сам Сяо Цю сегодня в горы не ходил, а договорился с друзьями. К вечеру они натаскали почти сто цзиней. Пока взвешивали, один из мальчишек пробурчал: «Вот бы было место, где сразу товар сдал, медяки получил — и свободен. А то жди теперь, пока в книгу запишут да сосчитают».

Сяо Цю запомнил это и теперь говорил:

— Давайте назначим твёрдую цену. Пусть деревенские сами приносят бамбук к нам на каменоломню.

— Но мы не сможем дать высокую цену, — возразил Лу Фэн.

Сяо Цю усмехнулся:

— Это не беда. Моим дружкам в город тащиться лень, им эти сложности с расчётами ни к чему. Они не женаты, им бы лишь пару монет в кармане, чтобы на всякие пустяки хватило.

Эти слова стали для Лу Фэна откровением. Копать бамбук — дело нехитрое, если сноровку иметь, даже двенадцатилетний малец за день может прилично собрать. Им не нужно кормить семью, им нужны карманные деньги.

— Ладно, попробуй, — согласился Лу Фэн. — Передай им: берём по пять вэней за цзинь. Свежий, крупный, с хвостиками.

— Сделаю в лучшем виде! — обрадовался Сяо Цю.

Вечером он рассказал всё друзьям. Те, услышав, что можно получить живые деньги сразу на руки, пришли в восторг.

На следующий день они рванули в лес. К вечеру каждый бренчал медяками. Домашние, завидев деньги, стали допытываться — откуда? Те поначалу отнекивались, но потом разболтали: на каменоломне за бамбук платят по пять вэней.

Детвора загорелась. Пять вэней на Новый год — это и хлопушки, и сладости, а если подкопить, так и на чашку горячего соевого молока с лапшой хватит. В лес с мотыгами потянулись все.

Вскоре слухи дошли и до деревни Пиньян.

Первыми прознали сорванцы Бао Шуйшэна. Все деньги в их доме прибирала к рукам бабка, мать вечно была на мели, а праздничные подачки у детей отбирали сразу после вручения. Глядя, как соседские ребята покупают леденцы, они кусали локти.

Узнав о каменоломне, они втайне от матери ушли в лес и за десять дней скопили целых пятьдесят вэней.

Но тут их застукала жена Бао Шуйшэна. Решив, что обормоты стащили деньги у неё, она схватилась за розгу. Дети, захлебываясь слезами, выложили правду. Мать не поверила и побежала к Лу Фэну. Узнав, что всё честно, она пришла в неописуемый восторг.

И на следующий день сама, подхватив мотыгу, отправилась в горы.

Дочки Бао Луншэна тоже не остались в стороне. В их доме мальчишек не было, так что девчонки в поле работали наравне с мужиками. Приближался праздник, они спросили у матери про обновки, а та лишь развела руками — денег нет. Тогда сестры решили: будем полмесяца копать бамбук, купим в уезде Шаньнань красивого синего набивного ситца и сами сошьём наряды.

Узнав об этом, Бао Луншэн помрачнел. Он только что вернулся из города и видел, что в Юэчжоу зимние побеги бамбука идут по двадцать вэней за цзинь.

На каменоломне берут за пять? Грабёж!

Он обругал дочерей, а потом несколько дней крутился возле артели. Убедившись, что бамбук действительно везут в Юэчжоу, он пришёл в ярость.

— За гроши спину гнёте, чужих людей кормите! — кричал он на дочерей.

Его крики услышала соседка — та самая жена Бао Шуйшэна. Она прильнула к стене и, узнав, что в городе за их товар дают двадцать вэней, чуть не лопнула от злости.

Двадцать вэней! Да она с аренды Лу Фэна меньше выгадывает!

Снова припав к стене, она услышала, что завтра на рассвете Бао Луншэн сам потащит бамбук в город. Сердце её затрепетало. Она собрала всё, что накопили дети, прибавила свой улов и всучила мужу:

— В Юэчжоу за это по двадцать вэней дают! Завтра же вези в город!

Бао Шуйшэн, лентяй по натуре, в город тащиться не хотел. Он считал, что в доме и так денег хватает (вернее, надеялся на бабкину заначку). Но жена взвилась: какая там заначка, всё

младшему брату достанется!

Ссорились долго, в итоге жена отрезала:

— Не пойдёшь ты — пойду я!

— Ну и катись! — буркнул муж.

В деревне бабам не привыкать к тяжёлому труду — что поле пахать, что товар таскать, всё одно.

На рассвете жена Бао Шуйшэна выждала, пока сосед выйдет из дома, и тенью последовала за ним. Так они, друг за другом, добрались до Юэчжоу.

На воротах требовали налог. Бао Луншэн был тёртым калачом и заранее припас медяки. А вот соседка растерялась. Она пыталась разжалобить стражников, кричала на весь город о своей нужде, но те, выдавшие виды, лишь посмеивались.

Пришлось ей отойти подальше и продать часть бамбука прямо у дороги, чтобы выручить монеты на вход. Прохожие, видя её нужду, нагло сбивали цену. Скрепя сердце, она всучила им несколько надтреснутых побегов и, получив гроши, вошла в город.

Расспросив людей, она добралась до южного рынка. Там Бао Луншэн уже вовсю зазывал покупателей:

— Свежий лесной бамбук! Только вчера из-под земли! Двадцать вэней за цзинь!

Вокруг него сразу собрались досужие тётки. Одна тут же начала торговаться:

— За восемнадцать отдашь?

Бао Луншэн, в торговле не смысливший, решил, что и восемнадцать — куш неплохой.

— Ладно, бери!

Тётка, вместо того чтобы радоваться, придирчиво осмотрела товар, выбрала два побега и ткнула пальцем в хвостики:

— Это несъедобно, отрезай.

Бао Луншэн замешкался. Он видел соседние лавки — там ничего не отрезали. К тому же, отрезать — значит уменьшить вес, потерять деньги.

— У других вон не отрезают, — буркнул он.

Покупательница фыркнула и бросила бамбук обратно:

— Цену ломит, а хвостик отрезать жалко! Не нужно мне такое.

Её поддержали другие:

— И то верно! Деревенщина жадная. То ли дело те двое парней, что раньше были — те резали, как просили.

Жена Бао Шуйшэна, наблюдавшая за этим с радостью, мигом сообразила, что делать. Она забилась в угол и закричала:

— Бамбук! Лесной бамбук, восемнадцать вэней за цзинь!

Тётки тут же переметнулись к ней.

— За шестнадцать отдашь?

— Отдам! — выпалила она и сама, не дожидаясь просьб, принялась кромать хвостики. — Смотрите, всё чисто, самый лучший товар!

Но покупательница вдруг скривилась и оттолкнула её руку:

— Отрезанный не возьму! Небось, гнильё было, вот ты и спрятала.

Бедная женщина опешила: не режешь — плохо, режешь — ещё хуже!

Бао Луншэн, видя её позор, сначала позлорадствовал — ишь, подслушивала вчера! Но потом решил перехватить удачу:

— А ну, подходи! Отрежу прямо при вас!

Тётки снова вернулись к нему:

— Шестнадцать вэней, хвостики долой. Беру три цзиня!

Торговля пошла бойко, половина мешка улетела вмиг.

Соседка запаниковала и сбросила цену:

— Я тоже при вас отрежу! Четырнадцать вэней!

Рыночные торговки переглянулись: «Ну и простаки эти деревенские, сегодня удачный день!» И хором припечатали:

— Двенадцать вэней за цзинь, и забираем всё оптом!

— По рукам! — обрадовалась жена Бао Шуйшэна.

У неё оставалось ещё двадцать цзиней. Двенадцать вэней — это двести сорок медяков! Больше, чем она за год у Лу Фэна выманивала. Выгода!

Но её демпинг уже разозлил местных лавочников. Тут как раз подошёл тот человек, что купил у неё бамбук у ворот по дешёвке. Он швырнул ей под ноги подпорченные побеги:

— Вот ты где, мошенница! Утром я тебя пожалел, денег на налог дал, а ты что подсунула?

Он разломил побег: внутри под чешуйками мякоть была побита и потемнела.

— Такое людям продавать — совести нет!

Покупательницы, увидев это, разом отпрянули:

— Так вот почему так дешево! Гнильё подсовывает.

— Верно говорят: дорого, да мило, дешево, да гнило.

Жена Бао Шуйшэна побледнела:

— У него по семь вэней было, это плохой! А этот хороший, честное слово!

— Что? По семь вэней? Такой и задарма не нужен! — закричали женщины.

Бедная торговка затряслась, пытаясь оправдаться, но её голос потонул в гуле. Наконец, одна из тёток, делая вид, что сочувствует, сказала:

— Ладно, ладно, не реви. Видим, издалека тащила. Бамбук твой, конечно, дрянной, но если обрезать, то съесть можно. Пять вэней за цзинь — и мы забираем остатки.

Женщина застыла. Пять вэней? Столько же на каменоломне давали!

Тётки заторапливали:

— Давай вешай быстрее, нам обед варить пора, а тебе в горы возвращаться.

Жена Бао Шуйшэна завывала в голос:

— Да как же так! Я ж ни свет ни заря встала, через силу тащила...

— Знаем, знаем, горемычная. На вот тебе лишнюю пару медяков, — «добрые» покупательницы накинули несколько монет на всю кучу, а не на каждый цзинь.

Считая в ладони жалкие гроши, женщина не знала — плакать ей или кричать.

Бао Луншэн, наблюдавший за всем этим, судорожно проверил свой товар. К счастью, его дочери были на редкость старательны и отобрали бамбук строго по правилам артели.

Но местные перекупщики уже не собирались отпускать добычу. Они указали на его корзину:

— Весь бамбук одинаков, что у неё, что у него.

Бао Луншэн хотел было откреститься от соседки, но та, не солоно хлебавши, решила и ему подгадить:

— Истинная правда! Мы из одной деревни, бамбук из одного леса, всё одинаковое!

Бао Луншэн чуть не лопнул от злости. Он пытался убедить женщин, что его товар цел, но те, почувствовав подвох, разошлись.

Перекупщики же насели на него:

— Не продашь сегодня — обратно попрёшь. Отдавай нам, так спокойнее будет.

— Не бывать тому! — упёрся он. — Мои односельчане этот бамбук сотнями цзиней в город возят!

Торговцы рассмеялись. Они знали, что в лавке Чжэньпиньцзай начали продавать местный бамбук.

— То для Чжэньпиньцзай, разве тебя туда на порог пустят?

Ошалев от ярости, Бао Луншэн гаркнул:

— А вот и пустят!

Он подхватил корзину и рванул к лавке в южной части города. Найдя нужное здание, он ворвался внутрь и бросился к прилавку с овощами.

Приказчик вежливо преградил ему путь:

— Господин, прошу вас оставить вещи у входа.

Бао Луншэн и слушать не хотел. Задрал нос, он крикнул на весь зал:

— Мой бамбук не хуже вашего! Берёте или нет?

Посетители начали оборачиваться. Приказчики, люди опытные, быстро отвели клиентов в сторону, а один из них сказал:

— Наша лавка имеет надёжных поставщиков. Частный товар не принимаем.

— Какой такой частный? — орал Бао Луншэн. — Это тот же самый бамбук! Те живодёры у нас его по пять вэней скупают, я пришёл правду искать!

Приказчик продолжал улыбаться, но подал знак остальным. Подошли ещё двое работников:

— Товар в «Чжэньпиньцзай» проверен и стоит своих денег. Это не те дешёвки по пять вэней, о которых вы кричите.

— Как это не те?! — Бао Луншэн вывалил бамбук прямо на пол. — Смотрите своими глазами, где разница?

Чистый, надраенный пол мгновенно покрылся рыжей грязью.

Приказчик глянул на дверь. Там уже мелькнул край тёмно-синего форменного кафтана. Улыбка мгновенно исчезла с его лица.

— Хватит бесчинствовать!

— Кто это тут бесчинствует? — зарычал Бао Луншэн.

И тут раздался холодный голос:

— Кто нарушает порядок?!

В лавку широким шагом вошёл пристав с двумя помощниками. Схватив Бао Луншэна за шиворот, он прикрикнул:

— Откуда взялся этот проходимец? Как смеешь буяннить в Чжэньпиньцзай?

Помощники скрутили ему руки:

— Имя! Где живёшь?

— Я... я... живу... в... — Бао Луншэн, отродясь не видевший столичной стражи, лишился дара речи.

Пристав прищурился:

— Молчишь? Значит, в управу пойдёшь!

— А-а-а! — взвыл Бао Луншэн.

Он по опыту Бао Цюшэна знал — в управе его не просто запрут, а сначала выпорют, а потом потребуют выкуп. Он заверещал:

— Я свой! У меня родич пристав в уезде Шаньнань, Бао Цюшэн его зовут!

— Кто тебе свой?! — отрезал стражник.

Второй отвесил ему увесистый пинок:

— Не мели чепухи!

— Правда ваша! — молил несчастный. — Меня зовут Бао Луншэн, его — Бао Цюшэн, мы одной крови!

— Нам плевать, хоть весенним, хоть осенним тебя звать! — гаркнул пристав. — Это Юэчжоу, здесь уездным выскочкам власти нет. В кандалы его!

— Помилуйте! — вопил Бао Луншэн, пока его волокли к выходу.

Жена Бао Шуйшэна, наблюдавшая за этим от дверей, едва не лишилась чувств. О том, чтобы самой торговать в городе, она забыла навсегда.

Буря утихла, и незаметно подкрался двенадцатый месяц.

В здешних краях праздник начинается с двадцать третьего числа — с проводов Бога Очага на небо — и длится до самого Праздника Фонарей. Время это шумное: люди ходят в гости, спрос на припасы растёт не по дням, а по часам.

По договору с Чжэньпиньцзай, лавка закрывалась лишь на два дня — в канун Нового года и в первый день первого месяца. В остальное время поставки должны были идти без перебоев.

Понимая, что в праздники рабочих рук не хватит, управляющий Ли Линь договорился с Лу Фэном: сделать запас заранее. Чтобы бамбук не высох, решили использовать горский способ: обмазывать побеги влажной жёлтой глиной и хранить в прохладе.

Так что каменщики трудились не покладая рук.

В эти дни горцы, собиравшиеся в уезд Шаньнань на ярмарку, часто проходили мимо каменоломни налегке. Сметливые мастера советовали им: «Захватите с собой бамбука, на обратном пути сдадите в деревне Пиньян — и монета будет, и путь не зря».

Люди радовались. В горах добра вдоволь, еды хватает, а вот с деньгами туго — на ярмарке в Шаньнани и купить-то не на что. А теперь появился верный заработок. Слух разлетелся мгновенно. Вскоре по дорогам потянулись целые караваны, и каждый тащил на плечах коромысло с бамбуком.

Каменоломня превратилась в шумный базар, где гомон стоял похлеще, чем в самом уезде.

В самый разгар этого оживления в деревню вернулся Цуй Ян. Наступали праздники, ему нужно было ехать в Минчжоу к родителям, но перед отъездом он решил навестить Лу Фэна и пригласить его с матерью на праздничный ужин.

Подходя к каменоломне, он замер от изумления. Повсюду сновали люди, и лишь спустя время он разглядел в толпе высокую фигуру Лу Фэна. Тот крутился как белка в колесе: то принимал товар, то проверял качество, то следил за весами.

Пришедших было так много, что считать не успевали. Каменщики, мастера на все руки, в арифметике были не сильны. Простые суммы ещё осиливали, а как доходило до больших объёмов — тушевались. За последние дни уже несколько раз ошиблись в расчётах.

Лу Фэн устало потёр виски, пытаясь сосредоточиться.

— Давай я, — Цуй Ян подошёл ближе и мягко забрал у него книгу и счёты.

Сидевший рядом каменщик аж подпрыгнул от радости:

— Ох, господин Цуй! Ваше появление — как спасение. Эти костяшки меня совсем с ума свели.

Цуй Ян улыбнулся. Его длинные пальцы уверенно задвигали костяшками, возвращая их в исходный ряд.

Лу Фэн выдохнул с облегчением:

— Благодарю, выручил.

Цуй Ян окинул взглядом площадку и провёл черту в журнале:

— Построй людей в ряд. Трое на приёмке: двое вешают, один записывает вес. Как запишут — пусть отправляют ко мне. Я сосчитаю сумму, а ты...

Он указал на каменщика, что сидел рядом:

— Ты будешь выдавать деньги. Проверяй, чтобы сумма в книге сходилась с тем, что в руках. И пусть расписываются в получении.

— А если не умеют? — спросил мастер.

— Пусть ставят отпечаток пальца, — ответил Цуй Ян.

Мастер кивнул. Цуй Ян снова обратился к Лу Фэну:

— Остальных мастеров раздели: двое пусть направляют людей, прочие следят за порядком. И ещё — праздник же скоро, вынеси угощения, пусть люди ждут с миром и не скучают.

Лу Фэн мигом всё организовал. Суета сменилась чинным порядком.

Угощаясь сладостями, горцы довольно переговаривались:

— Ох, малец, знатные пироги! Где брали?

В этих краях сладостей было вдоволь, умельцы перенимали заморские хитрости и сочетали их со своими. Здесь были и нежные пирожные из зелёной фасоли с изысканными начинками, и старинные печатные пряники из рисовой муки с сахаром и кунжутом. Были и клейкие сладости с бобовой пастой, обсыпанные белым сезамом.

Было и вдоволь конфет: тянутая белая карамель, солодовый сахар, кедровые и мятные леденцы. К празднику запасли разноцветную халву, слоёные пироги и яичные бисквиты. Всё это было на каменоломне.

Мастера за время походов в горы поняли, что горцы любят угощения, и заранее запаслись всем необходимым.

Лу Фэн улыбнулся:

— У нас всё есть, и на ярмарке в Шаньнани найдёте.

Кто-то из тех, кто уже менял бамбук на рыбу, подтвердил:

— У них всё самое свежее и вкусное, не то что на базаре!

Люди закивали. Лу Фэн добавил:

— Сегодня народу тьма, менять некогда. Берите деньги — и покупайте здесь или на ярмарке, как пожелаете.

Цуй Ян, не отрываясь от счётов, слушал Лу Фэна и думал: «А ведь Лу Фэн — прирождённый делец».

К середине дня на каменоломне наконец стало тихо.

Лу Фэн с мастерами закончили обработку побегов жёлтой глиной и начали переносить их в дом, где раньше жил старик Чэнь.

Цуй Ян удивился. Он помнил, что домик старика был крохотным, а гора бамбука занимала добрую половину площадки. Как всё это влезет?

Лу Фэн усмехнулся:

— Здесь годами камень добывали, в горе пустоты огромные. Пойдём, покажу.

Они вошли в дом, миновали тесную горницу и, свернув за боковую дверь, спустились по ступеням. Навстречу пахнуло сухим, тёплым воздухом.

Перед ними открылась огромная пещера в десять му площадью. Тысячи цзиней бамбука в углу казались лишь маленькой кучкой.

— Здесь летом прохладно, зимой тепло — температура всегда одна. Лучшее место для хранения, — объяснял Лу Фэн, указывая на своды. — Гора воду не пропускает, так что здесь сухо, не как в обычных пещерах.

В обычных гротах всегда сыро, там только вино хранить хорошо, а другой товар быстро гниёт.

Цуй Ян внимательно осмотрел пещеру. В голове его созрел план, но он пока промолчал, лишь заметил с улыбкой:

— Место дивное. Жаль только бамбук здесь держать.

— Я и сам об этом думал, — вздохнул Лу Фэн. — Зимние побеги — товар сезонный. Чтобы дело шло, нужно и другие лесные дары собирать, да только пока не придумаю, какие. — Он тревожно нахмурился.

Цуй Ян не удержался и протянул руку, мягко разгладив складку между бровями Лу Фэна:

— Брат Лу, ты столько трудился. Пора бы и о празднике подумать, а дела подождут до весны.

Лу Фэн замер.

Пальцы Цуй Яна, тонкие и нежные, были непривычно тёплыми. Лу Фэну вдруг стало так покойно, что он на мгновение пожелал, чтобы эта рука задержалась подольше.

Цуй Ян, заметив молчание друга, испугался своей дерзости и быстро отвёл руку:

— Прости.

— Да ничего... — вырвалось у Лу Фэна, но он тут же замолчал, чувствуя, что слова звучат неловко.

Цуй Ян поднял голову. В его глазах ещё теплилось извинение, и взгляд не был таким озорным, как обычно.

Лу Фэна вдруг кольнуло в груди: он не хотел видеть друга таким понурым. Ему захотелось защитить эту чистоту. От этой мысли Лу Фэн растерялся ещё больше: «Что это со мной?»

Но Цуй Ян быстро справился с собой и заговорил о деле:

— Совсем забыл! Я послезавтра уезжаю домой, вернусь только после Нового года. И мне нужна твоя помощь здесь, в деревне.

Лу Фэн вспомнил: Цуй Ян из Минчжоу, праздник полагается встречать с родными.

— Говори, что нужно.

Цуй Ян улыбнулся:

— Не торопись. Я принёс подарки, надеюсь, придётся по душе.

Они вышли из пещеры. На площадке осталось лишь несколько каменчиков, прибивавших мусор. Ношу Цуй Яна заботливо отставили в сторону.

— Забирай своё добро, господин Цуй, — крикнули мастера.

Лу Фэн первым подхватил коромысло — оно оказалось неожиданно тяжёлым.

— Ну и потратился же ты!

— Гроши, на самом деле. Но я подумал, что тебе это очень нужно, — ответил Цуй Ян, и они зашагали к дому.

Данян Лу грелась на солнышке у порога. Благодаря снадобьям Божественного лекаря Хуа зрение её заметно поправилось.

— Господин Цуй пришёл, — улыбнулась она.

Цуй Ян вежливо поклонился:

— Как ваше здоровье, матушка?

— Слава Богам! — отозвалась старушка. — Сын мой теперь при деле, дом — полная чаша. Всё благодаря вашим заботам.

Цуй Ян замахал руками:

— Что вы! Это всё талант и усердие брата Лу.

Старушка лишь мудро улыбнулась, понимая его скромность.

— Останетесь на ночь или спешите?

— Переночую, — ответил Цуй Ян.

— Вот и славно. Тогда ужинать будете у нас. Афэн вчера привёз из города и кур, и уток, и мясо. Посидим по-семейному.

Цуй Ян и сам хотел пригласить их, так что с радостью согласился.

Лу Фэн поставил ношу, и та отозвалась странным металлическим лязгом.

— Что это там гремит?

Цуй Ян рассмеялся:

— Это печь. Помнишь, видел такую на складе Ваньло? У У Мосюаня как раз новая партия пришла, я выбрал самую подходящую.

Он начал распаковывать детали. Лу Фэн вспомнил: на третьем этаже склада он видел диковинную штуку — стол, совмещённый с очагом. Посредине — котёл, внизу — топка, и труба для дыма. Вокруг котла — широкая столешница.

— У вас в доме тесно, готовить неудобно — вечно на корточках. Тебе-то ладно, а матушке тяжело, — объяснял Цуй Ян. — А эта печь места занимает мало, дым на улицу уводит, и греет отлично.

Вообще-то Цуй Ян хотел предложить другу сменить жильё, но решил, что такое решение Лу Фэн должен принять сам.

Лу Фэн был тронут до глубины души. В праздничной суматохе искать новый дом было некогда, так что подарок пришёлся как нельзя кстати.

— Матушка, посиди с гостем, а я мигом всё приберу, — сказал Лу Фэн.

Цуй Ян скинул плащ и засучил рукава:

— Раз уж взялись, наведём чистоту везде, чтобы Новый год встречать в светлом доме. Я помогу.

Лу Фэн пытался отнекиваться, но Цуй Ян уже взялся за метлу.

Мебели в доме было немного: кровать матушки, пара сундуков, стол, лавка да шкаф для еды. Вынесли всё во двор. Цуй Ян принялся мести, но в доме с глиняным полом пыль стояла столбом. Даже вода не спасала.

Цуй Ян вытер пот со лба:

— Брат Лу, дышать этой грязью матушке вредно.

Лу Фэн и сам это понимал, но не знал, что делать. Цуй Ян вспомнил про старые каменные плиты, что остались от ремонта у Бао Цюшэна:

— А не выложить ли нам пол камнем? После ремонта подпольной печи плиты остались?

— Остались, — неуверенно ответил Лу Фэн. — Да только чьи они теперь?

Цуй Ян отмахнулся:

— Я заплатил за новые, значит, старые — мои. Бери и не сомневайся, Бао сам поймёт.

Лу Фэн больше не спорил. Плит понадобилось немного, песок тоже был под рукой. Работал он споро — за час весь пол был устлан ровным камнем.

Жена Бао Шуйшэна, завидев суету, заглянула в дверь. Узнав, что Лу Фэн кладёт каменный пол, она лишь буркнула:

— Если съезжать надумаете — камни не забирать!

Лу Фэн лишь усмехнулся: тащить такие тяжести дороже выйдет. Кивнул — и она ушла, завистливо вздыхая. Ишь, везёт Лу Фэну — господин Цуй его одаривает!

В доме стало неузнаваемо чисто. Расставили мебель: сундуки — по углам, шкаф — к северной стене. На месте старого очага поставили новую печь, выведя трубу в готовое отверстие. Столик примостили у окна, рядом с кроватью матушки — теперь ей было куда положить мелочи.

Старушка не могла нарадоваться:

— Красота-то какая!

— Матушка, на днях сходим на базар, сменим занавески да одеяла, — Лу Фэн присел у порога ощипывать утку.

— Правильно, сынок, — отозвалась она. — Только кровь утиную не забудь собрать. Сварим с зеленью. Жаль, тофу нет, а то бы утиную кровь с тофу сделали.

Цуй Ян, нарезавший овощи, замер. Он вспомнил, как в детстве обожал матушкино угощение: мелко нарезанные потрошка и застывшая кровь, обжаренные с тофу и залитые яйцом... Слюнки потекли!

Замечтавшись, он не заметил, как нож соскользнул.

— Ой! — он выронил нож.

Лу Фэн бросился к нему. На белом пальце Цуй Яна алела рана. Сердце Лу Фэна сжалось. Он быстро промыл порез, прижал его чистой тканью и строго сказал:

— Сиди. Я сам дорежу.

Рука Цуй Яна почти исчезла в большой ладони Лу Фэна — мозолистой, но такой надёжной.

— Ничего страшного, — прошептал Цуй Ян. — Считаю, добавил соли в ужин.

— Шуточки у тебя, — проворчал Лу Фэн, усаживая его на лавку. — Держи крепко, я сейчас.

Когда зажглись свечи, стол ломился от яств. Лу Фэн приготовил настоящий пир.

Здесь был и паровой сян, и ароматная свинина, обвязанная травами. Была и утка, томлёная со шкурками и сушёным бамбуком — нежная и сочная. А ещё — знаменитая «пьяная курица» в винном осадке.

На закуску — редька, салат из сельдерея с бамбуком и густой суп из зелени с утиной кровью.

Цуй Ян добавил от себя: пьяных крабов, лотосовый корень с клейким рисом и жареные «колокольчики».

Давно в этом доме не было такого изобилия. Лу Фэн разлил вино — себе, матери и Цуй Яну:

— Праздник скоро. Выпьем за удачу!

Цуй Ян пить не умел, но не отказался:

— Пью столько же, сколько и ты, брат Лу!

Лу Фэн усмехнулся:

— Я и кувшин одолею, неужто и ты сможешь?

Цуй Ян запнулся, а матушка пригрозила сыну пальцем:

— Не смей обижать гостя!

— Что вы, матушка! И в мыслях не было, — Лу Фэн шутливо поклонился и положил Цуй Яну в тарелку сочную утиную ножку. — Попробуй, как я умею.

Мясо таяло во рту.

— Превосходно! — похвалил Цуй Ян.

Лу Фэн сиял. Он подкладывал другу лучшие куски. Сам он ел жадно — за день намаялся, а раньше в доме и мяса-то не видели. В суматохе он не заметил, как доел тот самый кусок свинины, от которого Цуй Ян откусил лишь с краю.

Цуй Ян опустил глаза, пряча улыбку: «Это ведь считается... за поцелуй?»

После ужина Лу Фэн пошёл провожать друга. Сказал — темно, мол, с непривычки споткнёшься, да и сам он якобы объелся, нужно пройтись.

Цуй Ян лишь кивнул. Они шли под яркой луной двенадцатого месяца. Тени их — длинные и чёткие — то расходились, то сливались. Цуй Ян смотрел, как его рука на тени касается руки Лу Фэна. Ему казалось, что они идут, взявшись за руки.

Он негромко рассмеялся.

— Ты чего? — спросил Лу Фэн.

— Думаю, какой же ты славный, — ответил Цуй Ян. — Будь ты девушкой, я бы тебя точно в жёны взял.

Лу Фэн хохотнул:

— Да и ты хорош. Будь ты девушкой, я бы и сам тебя со двора не отпустил.

Цуй Ян замер. Впервые он услышал нечто подобное. Он во все глаза смотрел на Лу Фэна.

— Что опять? — удивился тот.

— Но я ведь не девушка, — прошептал Цуй Ян, и в голосе его прозвучала робкая надежда.

Лу Фэн замялся. Хотел отшутиться, мол, дело житейское, не бери в голову. Но встретившись с этим взглядом — открытым, сияющим и полным трепета, — вдруг понял: если он сейчас скажет «шучу», то разобьёт Цуй Яну сердце.

И, поддавшись порыву, Лу Фэн улыбнулся:

— Ну... значит, придётся мне самому в девицу превратиться, чтобы за тебя выйти!

— А? — Цуй Ян просиял от счастья. — Правда?

Лу Фэн легонько щёлкнул его по лбу:

— Глупый. Где ж я такую силу возьму?

Цуй Ян потер лоб и лукаво высунул кончик языка:

— А мне всё равно. Я запомнил. После праздников жди сватов!

— Мечтай больше! — рассмеялся Лу Фэн, но в душе его стало на редкость тепло.

<http://bllate.org/book/17486/1713406>